

Россия, 2005, 8-14 дек., с. 14

Борис ВАСИЛЬЕВ:

Честь с мундиром не выдается

Беседовала
Евгения Ульченко

В застойные семидесятые он буквально потряс страну своей повестью «А зори здесь тихие». А экранизация Станислава Ростоцкого была номинирована на премию «Оскар», кинотеатры зрители брали штурмом. Потом были «Не стреляйте в белых лебедях», «Завтра была война» и сценарии для картин «Офицеры», «Аты-баты, шли солдаты». В последние годы знаменитый писатель и сценарист живет в Солнечногорске и занимается изучением российской истории...

— Борис Львович, чем вы так заинтересованы историей?

— Я всю жизнь мечтал стать историком. Если бы не война, то я им бы и стал. Я начал заниматься исторической литературой с того, что написал историю своего рода. Это был очень древний дворянский род, особенно со стороны матери. В Эрмитаже, в галерее героев 1812 года, есть портрет моего прапрадеда — генерала Ильи Ивановича Алексеева. Его сын, Александр Алексеев, был другом Пушкина. Когда Александра Сергеевича сослали в Кишинев, он жил у друга в мазанке... Именно ему поэт дал на хранение стихи Андре Шенье. Когда их нашли, то Александр четыре месяца провел в одиночной камере Петропавловской крепости. За хранение запрещенных стихов Бенкендорф отправил его на офицерский суд чести, по решению которого Александра разжаловали в солдаты и отправили на Кавказ. Через год он вернулся в Петербург в звании поручика и с Георгиевским крестом... Два моих деда воевали за свободу Болгарии, а старший из них, Василий, мой двоюродный дед, был учителем Сергея Львовича Толстого, лично подружился со Львом Николаевичем, у меня есть их переписка.

— Это правда, что вы учились писать, переписывая от руки Чехова?

— Правда. Мне никто этого не подсказывал, сам догадался. Я очень люблю Чехова и считаю, что так тщательно писать, как писал он, никто не может. У него нет ни одного лишнего слова. Я учился у него строить фразы. У меня же не было никакой подготовки, по образованию я инженер-испытатель.

— Но вы ведь окончили курсы киносценаристов?

— Да, за шесть месяцев, написав сценарий. Так Союз кинематографистов стал первым моим союзом. Членом Союза писателей я стал потом и увидел разницу между ними.

— В чем же эта разница?

— В Союзе кинематографистов успеху радуются все. В Союзе писателей видишь лишь жуткую зависть к успеху. У киношников — труд коллективный и радость тоже коллективная. У писателей и труд индивидуальный, и зависть тоже.

— Сегодня вы пишете так же, как и тридцать лет назад? Тогда ваши книги были вызовом партийному стилю и при этом, говорят, Брежнев плакал, читая «А зори здесь тихие».

— Да, он был очень сентиментальным. Я был награжден многими советскими премиями, но всегда был противником соцреализма. И не скрывал этого. Социалистические произведения всегда заканчивались торжеством героя. Такие герои неправдоподобны и не жили в стране. Поэтому я и теперь продолжаю писать так, как писал.

— То есть расцвет советской литературы, по которому сегодня ностальгируют записные любители дешевой колбасы, вы не заметили?

— Конечно, были и удачные вещи — художников-то много. Но можно сказать, кроме Платонова да «Тихого Дона», ничего и не было. Ну еще две-три фамилии... И все с очень тяжелой судьбой, взять хоть того же Домбровского. Это было очень зажатое искусство. Были только отдельные колоски — мощные, которые не могли не вырываться.

— А что сейчас?

— Искусству нужен потребитель, без него оно существовать не может. А какой сейчас потребитель?.. Россию на своих плечах держала русская дворянская интеллигенция. Ее уничтожили. Последние погибли во время Вели-

кой Отечественной войны — в ополчении. Вот, помню, ездил я как-то в зеленоградскую школу, и учительница литературы вынула из шкатулочки опрау от очков... Железную... Ей дали участок, она стала копать под картошку, и вот нашла. Это все, что осталось от русской интеллигенции... А теперь посмотрите телевизор. Для кого он работает? Обывателю нужны совершенно определенные мотивы. Поэтому и развелось такое количество женщин-писательниц, которые строчат любовные романы. Нет ничего интереснее для обывателя, чем кто, с кем, когда и почему. Нынешняя интеллигенция — это чудом уцелевшие штучные экземпляры, которых можно по пальцам пересчитать. При этом у нее нет экономической базы. Поэтому она примазывается к власти, даже если от нее никто не требует верности идеологии. И будет примазываться, потому что без этой базы она не может существовать.

— Искусство по-прежнему в большом долгу?

— Лет через двадцать придет новая интеллигенция. Ее создадут талантливые мальчики и девочки, без интеллигентности нация просто не может существовать. Это дрожжи народа. Он кипит на этих дрожжах, бродит там, рождает новые идеи... Но сейчас — провал. И вот результат — искусство это товар. А как только оно стало товаром, оно перестает быть искусством.

— Прямо из школы в 17 лет 8 июля 1941 года вы добровольцем ушли на фронт. Что отняла у вас война и что она дала вам как человеку и писателю?

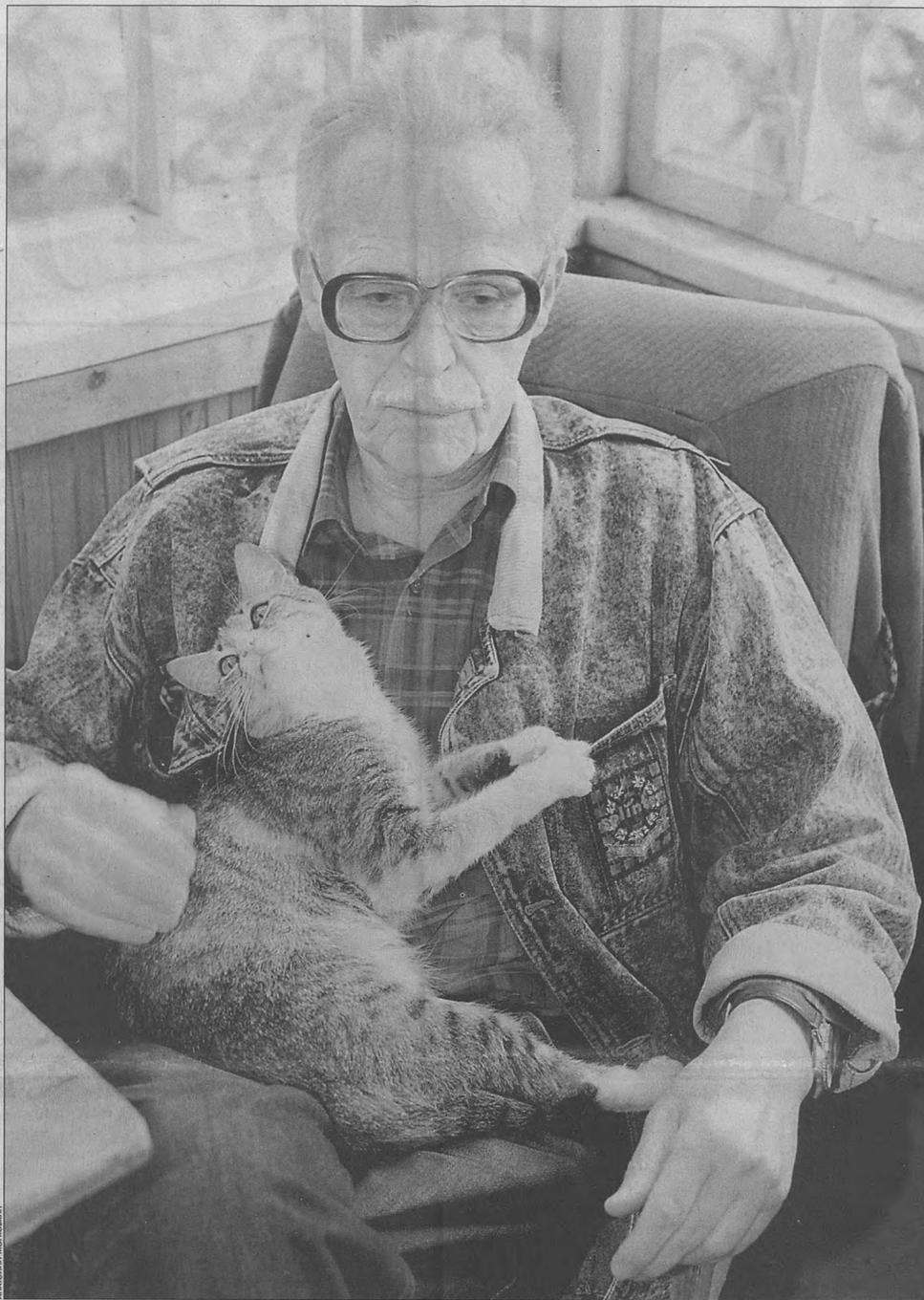
— Человеку она не дает ничего, кроме огорчения. Любая война — дело скучное, грязное, и, простите, вонючее. Из настоящих фронтовиков не осталось уже никого. Раньше мы все столы сдвигали, когда мои друзья собирались, — особенно в День Победы. А теперь мы с моей женой Зоренькой на двоих накрываем, два фронтовика всего и осталось... Война беспощадна — она остается в человеке на всю жизнь. Если он воевал, конечно, а не скрипел пером где-то в тылу... Для нации это большое горе. В Великую Отечественную мы потеряли очень много людей.

— Ведь точных данных о наших потерях нет до сих пор?

— Эту цифру старательно скрывали, но покойный Александр Николаевич Яковлев, с которым мы были в очень дружеских отношениях, этим делом занимался. И по его расчетам, далеко не окончательным, выходит не менее 31 миллиона человек — по очень осторожным подсчетам. А он историк, академик, он отвечает за свои слова. Немцы потели у нас не многим более двух миллионов, два миллиона двести, если быть точным. То есть на каждого немца сколько наших приходится? Вот и считайте... Немцы — прирожденные вояки. Прирожденные! Они с удовольствием подчиняются, слушаются, уважают старших по званию, это у них в крови, ордуниг немецкий — это все! Любому немцу погони привесь — и перед ним выгнутся в струнку. У этой нации очень хорошие военные традиции, ничего не скажешь, вояки они отменные. Слава богу, что мы их разбили...

— И все-таки нужен ли писателю такой трагический опыт или лучше без него обойтись?

— Писателю любой опыт нужен. Я люблю трагические концы. По натуре я человек довольно бесшабашный, веселый и легкомысленный, поэтому, наверное, и стараюсь «уравновесить» себя, по крайней мере в литературе. Трагедия потрясает. Я это не раз проверял на своих уда-

чач. Эту точку зрения, кстати, разделял и Юрий Любимов, поставивший лучший спектакль по «А зори здесь тихие...» У него тоже была чистая трагедия. И зал не аплодировал. Трагедии не аплодируют — и не плачут. А молчат. На премьере вдруг — полная тишина, и только девочки кланяются, и Федор, рыдающий, стоит в углу. Единственный звук — только этот рыдающий голос... И потом все молча встают... Вот эта трагедия.

— В ваших книгах никогда не бывает хэппи-энда. Трагедия — жанр, в котором вы чаще всего работаете.

— Да просто жизнь наша не слишком веселая. А потом трагедия — наиболее сильный жанр. Политуправление просило меня оставить в живых хотя бы одну героиню «А зори здесь тихие...», но тогда бы получилась совершенно другая книга. Девочки были обречены, потому что не умели воевать.

— Вы первым подняли тему женщины на войне. До вас можно вспомнить только «Они сражались за Родину» — но там она решена в традиционном героическом ключе. А у вас, если воспользоваться более поздней формулой Светланы Алексиевич, «У войны не женское лицо».

— Во-первых, женщин на войне было более 350 тысяч. Они были решительно во всех родах войск. Танкисты, артиллеристы, снайперши... Были командирами рот — это страшная штука. Я уж не говорю про санбат... А во-вторых, когда я пришел в академию и увидел там девочек — два отделения, все фронтовички. Некоторые были ранены... — Женщине не место на войне?

— Ну конечно! За то, что они были на фронте, — спасибо, Бондарев в итоге стал мне больше, но не надо было их туда посылать. Ну не надо! В тылу помогайте, девочки мои родные... За ранними ухаживайте, замуж за ними выходите, безногому инвалиду создайте уют — вот ваша заслуга! Женщина должна детей воспитывать... А на фронте мужчины должны быть...

— А кого вы в этом вините — власть, историков?

— Безусловно, власть. Сталин это приветствовал. Считал, что должен быть общий порыв, он вообще не очень-то разделял мужчин и женщин.

— Борис Львович, вы знали многих писателей-фронтовиков. Чья проза о войне вам наиболее близка?

— Было когда-то такое понятие «лейтенантская проза». Ни о каком официальном признании и речи не было. Критика встретила эти книги в штыки. Сталинская критика! Покойный Астафьев очень этим возмущался. Мне нравились «окопная» литература, я читал ее запоем. Как же, мои ровесники пишут — из тех, кто остался в живых. Почему я стал писать-то первую прозу в своей жизни? Ведь у каждого война своя.

— Какой она была, ваша война?

— Моя война была другой! Моя война — это окружение. Кругом лес. Полная беспомощность. Да рана одна — и все, кончилась жизнь, кровь истечет... Санбатов нет, ничего нет, про артиллерию, авиацию, штабы и не говорю — ничего нет. Вот откуда и появились «А зори здесь тихие...» Но один писатель мне очень нравится до сей поры — Василий Быков. Это для меня самый емкий писатель. Очень талантливый. Очень яркий. Я всегда его любил, покло-

нялся ему и лучшего просто не нахожу.

— А как вам Юрий Бондарев?

— Начавший очень хорошо, Бондарев в итоге стал меня раздражать. У него появились такие ура-патриотические нотки — мы их шапками закидаем... Только обыватель, который никогда на войне не был, который не знает, что это такое, может об этом кричать. А нам об этом кричать позорно, мы своих хоронили... Это американцы ни одного трупа за границей не оставляют. А у нас — зарыт где-то в земле... Где, что? Ничего не знаем. И сейчас еще косточки находим...

— Как вы относитесь к разговору о том, что Запад якобы пытается «похитить» нашу Победу, вычеркнуть СССР из истории Второй мировой войны и немалую роль в этом деле играет кинематограф. Вы с этим согласны?

— Не совсем. Вряд ли кто-то в Америке ставит перед собой цель замалчивать роль России в победе над фашизмом. Проблема в другом. Культуры всегда национальны, интернациональных культур нет. Голливуд не может рассказать правду о войне на Восточном фронте, да и мы не способны снять правдивый фильм об Америке. То же самое и с Германией. Редким исключением можно считать фильм «Семнадцать мгновений весны», но там есть своя специфика. Действие происходит в достаточно замкнутом пространстве, к тому же в картине снималась плеяда действительно блестящих актеров. Запад хочет украсть нашу победу? Нет. Западу просто нет до нас дела. Рылового американка наша страна совершенно не интересует. Я бывал в Америке и убедился в этом лично. США — страна

обывателей, которым легче верить, что по московским улицам ходят медведи, чем изучать нашу историю. Впрочем, есть там и образованные люди, которые прекрасно знают о роли России во Второй мировой войне, и обмануть их не под силу никакому Голливуду. Мне кажется, что каждый народ должен в первую очередь рассказывать о себе. В истории США были свои победы и поражения. Та же война во Вьетнаме. Вряд ли кто-то расскажет о ней лучше, чем участники-американцы.

— Вы следите за тем, что пишут сегодня о войне?

— К сожалению, пока о войне не может быть написано серьезного романа. Почему «Война и мир» был написан спустя столько лет после войны 1812 года? Только тогда появилось прекрасное полотно, когда отсеклось все ненужное, все детали, которые у каждого свои.

— А театр, кино? Вот в «Современнике» недавно поставили пьесу «Голая пионерка» — про девушку, которая между боями обслуживала сексуально целую роту...

— Да выдумки все это, не верьте. Никто девушке на фронте не трогал, не до того было. Это все сделано для продажи. Кому нравится, пусть смотрит. Но восприни-

мать это как откровение — увольте.

— Чем, по-вашему, вызван интерес кинематографа последних лет к Великой Отечественной войне?

— Немаловажную роль сыграло, конечно, 60-летие Победы, но это не единственная причина. Настает время, когда совершенно не воевавшее, не видевшее войны поколение начинает формировать новый взгляд на события той эпохи. И взгляд этот порой скептический. Вот, к примеру, песня «...а значит, нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим». Молодые люди теперь задаются вопросом: как можно было провозглашать подобные лозунги, как можно было нести все на алтарь Победы? Они не понимают, что в минувшей войне речь шла не о противоборстве государств или политических режимов, речь шла о выживании нашей нации. К несчастью, мы забываем об этом. Когда современные поклонники Гитлера в нашей стране утверждают, что стоило пропустить фашистов в Азию и их руками избавиться от «второсортных народов», они думают не о том, что Гитлер и нас считал людьми второго сорта, а если внимательно изучить его планы, станет понятно: дальше Урала фашисты просто не двинулись бы. Невнимание к истории плодит мифы вокруг войны. А они, в свою очередь, заставляют скептически относиться и к воевавшим людям, и ко всей военной истории.

— А что вы можете сказать о таких фильмах, как «Кукушка», «Звезда», «Штрафбат»?

— Сейчас появляется много талантливых молодых режиссеров, войны не видевших, но пронесших эту боль в собственной душе и потому способных показать ее удивительно точно и непредвзято. Перечисленные вами картины как раз помогают нам увидеть настоящую войну. Особенно я благодарен создателям «Штрафбата». Этот фильм я смотрел с особым напряжением, потому что там действительно правда. Правда о войне, о штрафных батальонах. На самом деле, если рассказывать о том времени, в первую очередь нужно показывать именно простых воинов — солдат и младших офицеров. Конечно, наши великие полководцы заслуживают внимания. Их талант, позволивший нам одержать победу, не должен остаться незамеченным. Но основную тяжесть войны на себе вынесли все-таки солдат, сержант и младший офицер. Тот самый лейтенант, что жил на передовой в среднем семь дней.

— В современном кино о войне преобладает натурализм, в то время как в старых фильмах на первый план выходит нравственная проблематика. Что важнее, по-вашему?

— Я думаю, что правда есть и там и там. Проблема стоит иначе. Современные режиссеры — это дети и внуки войны. Между ними и войной — пропасть. Что реально было в те годы, они представляют себе либо из старых фильмов, либо из собственного воображения. Войну надо показывать в полном ее объеме. Вот фильм «Штрафбат». Туда в основном съездили люди, совершившие какой-то проступок. Воры, уркаганы... А сколько нравственности в их действиях. Как они друг друга прикрывают, как они друг друга защищают! А всю правду о войне показать нельзя. Каждый видел правду из своего окопа. Бондарев — из своего, Бакланов — из своего, а я из

своего. И все-таки натуралистические сцены войны людям нужны.

— Среди ваших наград есть «Ника» в номинации «За честь и достоинство». Как вы считаете, эти понятия сохранились в современном кинематографе? Какие воспитательные функции он должен нести? Или все это уже в прошлом, в тех традициях, от которых мы отказались?

— Думаю, что от этой традиции отказываться никоим образом мы не имеем права. Мы должны учить людей нравственности.

— Это возможно?

— Это трудно, но это нужно делать. Сейчас молодые кинематографисты считают, что искусство и мораль — две разные плоскости, они не должны пересекаться. Иначе, по их словам, не писали бы Достоевский и Кафка, не снимали бы Хичкок или Коппола. Но, к счастью, для России самым главным остается нравственность. Вспомните, до какой степени дошел Раскольников, когда встал на колени и сказал: «Я убил, люди, вяжите меня». Русская литература вообще чрезвычайно нравственна по натуре своей. У нас не было безнравственных писателей никогда. Если и были, то мы их забыли. Они не стоят того, чтобы о них помнить...

— Борис Львович, вы много писали о нашей армии времен Великой Отечественной. А современной не хотели бы книгу посвятить?

— Моя любимая Красная армия изменилась на глазах. Большинство выходцев из царской армии погибли в 1941—1942 годах. И тогда офицеров стали готовить из крестьян. Как результат — нравственный ценз моментально снизился. Да, они герои, они победили, но строить мирную армию они уже не могли... Понимаете, честь с мундиром не выдается. Это просто иметь надо, его надо использовать. Раньше учили не врать, не воровать, не трусить, вести за собой в бой. Сейчас трудно даже представить, какое отношение было к солдатам в русской армии. Начнем с того, что солдат никогда не служил 25 лет, все это выдуманно при советской власти. Самый большой срок службы был во время Наполеоновских войн. К тому же, как только солдат получал Георгиевский крест, у него тут же сокращался срок службы, и если в армию он уходил крепостным, то возвращался свободным... Если возвращался.

— Вы ведь работаете в Комиссии по правам человека. Как вы считаете, какая армия нам сейчас нужна?

— Большая контрактная. Вообще, большая призывная армия появилась у нас только в XX веке, когда началась империалистическая война. К армейской реформе государство уже повернулось, решение принято. Другое дело, что все это тянется. Все никак не можем сказать — да! Почему — понять не могу. Эта система везде работает, во всем мире. Чего еще пробовать, когда нам нужна хорошо вооруженная платная армия. Эти мальчики, которые туда не хотят, они все равно не солдаты. И не будут ими. Мы сами себя все время обманываем. Это свойственно России. Ну от кого мы будем отбиваться? Ребята, помилуйте...

— А что вам еще хотелось бы сделать?

— Да хочу прожить еще чуть-чуть, чтобы успеть закончить свою работу. И, самое главное, хочу умереть здоровым, чтобы не валиться беспомощным, не быть кому-нибудь в тягость. И тогда я буду счастлив окончательно. Хотя я и теперь вполне счастлив. Я не умер в 1934-м от сыпного тифа, хоть и переболел им. Не погиб в окружении. При всех семи прыжках у меня раскрывался парашют. Ну и потом вы, когда шли к моему дому, наверно, обратили внимание, что я живу практически в лесу. Мне здесь комфортно и спокойно с моей Зорей.

Слова

Елена Драпеко:

— «А зори здесь тихие» — фильм, который знает и любит не только в России, но и во всем мире. И в этом заслуга Бориса Львовича. Я бесконечно благодарна ему по жизни. Ко мне на творческие встречи до сих пор приходят люди, которые приносят «А зори здесь тихие», вышедшие еще в семидесятых годах, чтобы я поставила на них автограф. Повесть я впервые прочитала в журнале «Юность», когда мне еще и в голову не приходило, что вообще буду где-нибудь сниматься. И она тогда уже буквально потрясла меня своей искренностью.